



Динабургская гимназия: 1831–1865 гг.

В и т а л и й Ш А Л Д А
Даугавпилсский университет

Ключевые слова: образование, гимназия, сословия, вероисповедание, Польское восстание 1863-64 гг.

Историческая память всегда неразрывно связывает локальную историю с историей учебных заведений, где учились и воспитывались местные жители. На основе такой памяти обычно делаются выводы и о состоянии современной системы образования.

История Динабургской гимназии уже была предметом исследования историков и краеведов. О ней писали историки Болеслав Брежго, Янис Бабрис и Янис Рубертс, краеведы Залман Якуб и Астрида Петашко. Тем не менее, уже ими сказанное мы можем дополнить, основываясь на более подробном анализе, как уже опубликованных материалов, так и документов Латвийского Государственного исторического архива.

В начале 19 века Динабург был небольшим городком, значение которого во многом определялось строившейся рядом с ним военной крепостью. Когда в 1833 году ее строительство было завершено, в городе поселилось много русских и евреев. В 1840 году в Динабурге было 11 360 жителей (Z e i l e 2006, 302). Во второй половине 19 века Динабург стал быстро развиваться благодаря наличию в нём важного железнодорожного узла. Город пересекали железные дороги *Рига – Царицын* и *Петербург – Варшава*. С увеличением количества жителей, развитием в городе промышленности и торговли усиливалась потребность горожан в новых учебных заведениях.

В первой половине 19 века культура и система образования в бывших областях Речи Посполитой (в том числе и в Латгалии) и под российским господством оставались в рамках польского влияния, определявшего их характер, способствовавшего полонизации местных жителей. В России приоритетом оставались установки на социальную и политическую стабильность и кооперацию с лояльными нерусскими элитами, однако ситуацию существенно изменило польское восстание 1830–1831 гг. В реакции правящих слоев России на польское восстание обнаружилась нарастающая тенденция к репрессиям и усиленной унификации, политическая установка

на культурно-языковую интеграцию поляков и других народов, находившихся в зависимости от польского дворянства (Капеллер 2000, 109, 186–187). Проявления данных процессов наблюдались и в сфере образования. В данном контексте рассмотрим создание и деятельность первого русского учебного заведения в Динабурге, которое было открыто 1 сентября 1831 года как «уездное на степени гимназии дворянское училище» (Князев 1904, 1), однако обычно называлось просто Динабургским дворянским училищем. В первые годы для подготовки к учебе при училище существовала приходская школа. В первом учебном году в училище были открыты два первых класса, в 1832 году – 3-ий класс. Затем ежегодно открывался последующий старший класс, увеличивалось количество учеников и учителей. С открытием 6-ого класса в 1835 году дворянское училище получило название гимназии. В 1836 году в гимназии был открыт последний – 7-ой класс.

Преподавание велось по Уставу гимназий 1828 года, «в коих не велось обучение греческому языку». Кроме латинского языка, в гимназии изучались закон божий, русский язык и русская словесность, логика, математика, физика, география, статистика, история, немецкий и французский языки, преподавались чистописание, рисование и черчение. Хотя считается, что в связи с польским восстанием 1830–1831 гг. в школах Витебской и Могилевской губерний преподавание польского языка формально было запрещено, в училище именно с 1832 года для желающих было введено его изучение (Ibid., 2). Перевод учеников в следующие классы осуществлялся по сумме баллов, полученных на испытаниях, проводившихся «при родителях и чиновниках». С 1831 по 1850 год Динабургское дворянское училище/гимназия находилось под попечительством Белорусского, с 1850 по 1864 год – Санкт-Петербургского, а с 1864 года – Виленского учебного округа. Директорами дворянского училища, а затем гимназии являлись Фердинанд Петровский (1831–1832 и 1834–1835), Иван Носович (1832–1833), Евдоким Казакин (1833–1835), Петр Островский (1835–1840), Иван Барковский (1840–1842), Иван Ястребцов (1842–1858), Дмитрий Зяблов (1858–1861) и Василий Невзоров (1861–1865) (Ibid., 81–82).

Среди учителей был и ксендз для религиозного воспитания детей римско-католического исповедания. Причём православный законоучитель получал «жалованья» 500 рублей, римско-католический законоучитель – 1 000 рублей. Чем объяснима такая разница? До 1854 года отсутствуют данные о вероисповедании учеников. Тем не менее, поскольку в этом году учеников-католиков было в четыре раза больше, чем православных (см. таблицу № 1), можно предположить, что аналогичная пропорция существовала и в предыдущие годы. Возможно, по данной причине жалованье католического священника было в два раза выше, чем его православного коллеги (см. таблицу № 2).

Таблица 1

**Состав учащихся Динабургской гимназии по вероисповеданию:
1854–1864 гг.¹**

Год	Всего учащихся	Православные	Католики	Лютеране	Иудеи	Магометане
1854	133	23	102	8	-	-
1859	182	35	129	14	4	
1864	188	59	98	14	15	2

Таблица 2

Годовое жалование (в рублях) учителей Динабургского дворянского училища/гимназии: 1832–1859 гг.²

Год	Директор	Законоучитель		Старший учитель	Учитель	Учитель черчения, чистописания и рисования
		православный	римско-католический			
1832 (ассигнациями)	2.250	500	1000	1200		
1836	2250	1.000	1.000	1.625	1200	900
1841(серебром)	634,31	285,90	285,90	464,64	343,10	257,29
1859	850	400	400*	650	550	400

* Лютеранский священник получал 60 рублей в год. Очевидно, это было связано с малочисленностью учеников–лютеран.

Постепенно укреплялась материальная база училища. Росла библиотека. Генерал-инспектор Российской армии «по инженерной части» великий князь Михаил Павлович в 1833 году велел передать в училище из закрытой в тот период в Динабургской крепости юнкерской школы большую часть книг, учебников, географических карт, «аспидных досок» и пр. Часть учебников было отдана в пользование бедным ученикам. В 1843 году по распоряжению попечителя Белорусского учебного округа Виленская гимназия прислала в дар Динабургской гимназии 115 физических приборов – основу физического кабинета. В 1860 году в гимназии было 88 приборов в физическом кабинете, 84 географические карты и 8 глобусов, имелось 77 пособий для рисования и чистописания. Сверх того в этом году из бывшего Главного педагогического института поступила коллекция минералов и горных пород, сохранившаяся до начала 20 века (Ibid., 2–3, 7, 15).

¹ Латвийский Государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 230, оп. 1., д. 6, л. 274; д. 34., л.12.

² Князев А. Ф. *Историческая записка Двинского Реального Училища 1833–1903*, Витебск: Губ. типо-лит., 1904, с. 3, 6, 14; ЛГИА, ф. 230, оп. 1, д. 6, л. 144; ф. 748, оп. 1, д. 14, л. 442.

Знаменательно, что в 1836 году было прекращено преподавание польского языка, содержание гимназии было определено в сумме 27 525 рублей, «упорядочено» жалование педагогов, причем законоучителям православного и римско–католического исповедания стали платить одинаково – по 1 000 рублей. Когда в 1841 году жалование служащих было переведено с ассигнаций на серебро, значительно уменьшилась не только получаемая номинальная сумма, но и реальная зарплата учителей. Лишь в 1859 году, когда были введены новые оклады в гимназиях, они несколько увеличили реальные доходы педагогов, но «далеко не достигли» размера жалований 1836 года. В 1861 году Педагогический совет гимназии «признал необходимым» улучшить материальное положение учителей, так как «положение гимназии в уездном городе лишает их способов и источников к улучшению своего состояния». И в начале 20 века педагоги уже Двинского реального училища считали, что «штатное положение Динабургской гимназии 1836 года более обеспечивало гимназию и служащих в ней педагогов, чем действующие ныне уставы реальных училищ и гимназий» (Ibid., 5, 14, 16).

При этом следует подчеркнуть, что обучение в дворянском училище, а затем в Динабургской гимназии в первые годы было бесплатным. Только с 1839 года была введена оплата за обучение (см. таблицу № 3).

Таблица 3
Годовая плата за учебу в Динабургской гимназии (в рублях)³

Год	Размер платы за учебу
1839*	15
1840-1844	4,15
1845-1858	5
1859-1864**	10
1864-1866	15

* В 1839 году плата взималась ассигнациями, позднее – серебром.

**Если в семье было несколько сыновей и родители не имели возможности платить за учебу каждого, полная плата взималась только за одного, а за учебу остальных – только половина. От платы за учебу освобождались дети чиновников и преподавателей гимназии, с 1858 года – дети офицеров, а с 1863 года – дети православных священников. С 1859 года Педагогические советы учебных заведений имели право до 1/10 учеников освобождают от платы, чем они активно пользовались⁴.

Интерес представляют данные о сословном составе учащихся гимназии. В гимназию официально принимались лишь дети «лиц свободного состояния». Первоначально большинство учащихся Динабургской гимназии являлись

³ ЛГИА, ф. 230, оп. 1, д. 6, л. 430; *Историческая записка и отчет Динабургского реального училища за 1884–5 учебный год*, Динабург, 1886, с. 6–7.

⁴ ЛГИА, ф. 230, оп. 1, д. 1, л. 18–21.

детьми потомственных и личных дворян (см. таблицу № 4), однако в ней учились и потомки лиц «солдатского звания», «казенных крестьян», а также дети, родители которых были «крепостного состояния», хотя по рескрипту императора Николая дети крепостных в гимназии допускались лишь «по увольнении от крепостной зависимости по воле помещика» (Ш м и д 1878, 344) Следовательно, хотя и в небольшом количестве, гимназию могли посещать и дети крестьян.

Таблица 4

Состав учащихся Динабургского дворянского училища и гимназии по сословиям: 1832–1864гг.⁵

Год	Всего	Дворяне и чиновники	Духовенство	Городские сословия	Сельские сословия	Иностранцы
1832*	43	35		8		
1836**	163	150		13		
1851***	127	114	1	12		
1852	118****	109		7		-
1854	133*****	126		7		
1859*****	182	151	1	25	5	
1860*****	210	150	3	46	11	-
1862*****	253	190	4	32	22	5
1864	188	108	5	70*****	11	5

* В «Исторической записке» А. Князева сказано: «детей штаб-офицеров и дворян 25, обер-офицеров – 10, купеческих и мещанских детей – 8».

** В «Исторической записке» говорится о 144 детях дворян, 6 обер-офицерских детях, затем учтены дети «одноверцов» [очевидно, подразумевались т. н. единоверцы] – 6, купцов – 2, мещан – 3, «вольных людей» – 2.

*** В отчете за 1852 год указан 91 ученик из потомственных дворян, 23 из личных дворян [значит, офицеров и чиновников], 1 – духовного звания, 4 – купеческого звания, 6 – мещанского и других свободных сословий, 2 – солдатского звания.

**** Б. Брежго 2 учеников отнес к «разным».

***** В «Исторической записке»: «потомственных дворян 87, личных дворян 39, купцов и мещан 7».

В отчете о состоянии гимназии за 1859 год приведены цифры: 134 ребёнка были выходцами из семей потомственных дворян, 17 – личных дворян, 1 – лиц духовного звания, 1 – почетного гражданина, 5 – купеческого звания, 19 – мещанского и других свободных сословий, 3 – казенных крестьян и 2 «крепостного состояния».

***** В отчете о состоянии гимназии за 1860 год приведены следующие цифры: 126 детей были выходцами из семей потомственных дворян, 24 – личных дворян, 3 – лиц духовного звания, 1 – почетного гражданина, 8 – купечества, 32 – мещан и

⁵ ЛГИА, ф.230, оп. 1, д. 6, л. 11, 25, 123–124, 274; Brežgo В., *Daugavpils skolu direkcijas arhivs, Rēzeknē* 1938, 9, 11.lpp.; Князев А.Ф., *Историческая записка Двинского Реального Училища 1833–1903*, Витебск 1904, с. 4, 12.

5 – «солдатского звания», 4 казенных крестьян и 7 «крепостного состояния».

***** В отчете о состоянии гимназии за 1862 год имеются следующие данные: 166 детей были выходцами из семей потомственных дворян, 24 – личных дворян, 4 – лиц духовного звания, 8 – почетных граждан и купцов, 20 – мещан и городских обывателей, 22 казенных крестьян, 4 – евреев и 5 иностранцев.

***** Из них 15 евреев.

Следует отметить, что в гимназии наблюдался значительный отсев. Например, в 1860 году 51 ученик оставил гимназию «по своей и родительской воле», а 2 были исключены «за невнесение денег». Эти цифры дают возможность предположить, что значительная часть прервавших учебу гимназистов была не в состоянии продолжить учебу вследствие тяжелого материального положения родителей, ибо из названного числа только 9 учеников, по мнению педагогов, были неспособными усвоить курс⁶.

В 1862 году, уже после отмены крепостного права, число детей потомственных и личных дворян еще выросло, количество крестьянских детей удвоилось, увеличилось число еврейских детей, и появились дети иностранцев⁷. Это подтверждает тот факт, что до и после отмены крепостного права среднее образование получали и отдельные представители «низших» слоев.

С увеличением доступности образования увеличилась забота властей об устранении «вредных» влияний извне. В 1853 году по распоряжению учебного округа «для надзора за учениками во внеурочное время» был определен особый надзиратель. В том же году, «по согласию Министров Внутренних Дел и Народного Просвещения», было издано распоряжение об обязательном посещении учениками «иноверных христианских исповеданий» (не православных) православного собора в торжественные «царские дни». Считалось, что «иноверцы» могут посещать утренние богослужения в церквях своего исповедания до начала православного богослужения. Во время Крымской войны в гимназии было введено обучение (прекращено в 1856 году) «военному строю», усилено патриотическое воспитание, прошел сбор средств в пользу раненых воинов (Ibid., 11–12).

По отзывам директора гимназии, родители учеников «несколько не интересовались образовательною стороною дела, а руководствовались единственно близостью расстояния и удобствами в содержании детей»⁸. По этому поводу можно заметить, что общественность города, если вообще корректно говорить о подобной категории в тот период, фактически так и не сформировала своего отношения к вопросам образования и воспитания молодого поколения, однако официальное начальство не оставляло гимназию заботами. Её многократно посещали различные ревизоры: как чиновники

⁶ ЛГИА, ф. 230, оп. 1, д. 6, л. 11–12.

⁷ ЛГИА, ф. 230, оп. 1, д. 6, л. 123–124.

⁸ ЛГИА, ф. 230, оп. 1, д. 6, л. 94; Князев А.Ф. *Историческая записка Двинского Реального Училища 1833–1903*, Витебск, 1904, с. 8–9, 13–15, 20.

Министерства народного просвещения, так и представители местных властей. В среднем приходилось по одной ревизии «учебного начальства» в год и по одному посещению «постороннего начальства» раз в два года⁹. С современной точки зрения, возникают сомнения в необходимости и полезности столь пристального внимания «начальства». Согласно архивным данным, у руководства гимназии, очевидно, возникало много проблем и вследствие большого количества направляемых в его адрес различных бюрократических указаний и сведений.

Тем не менее усилия начальства не могли предупредить нарушения гимназистами дисциплины. Виновные наказывались. Например, в 1860 году 3 ученика были исключены «за дурные успехи и поведение на полгода из гимназии, но с правом поступить в нее по экзамену», а 3 ученика наказаны розгами за кражи. В 1838 году Министр народного просвещения Сергей Уваров согласился на применение телесных наказаний и к гимназистам старших классов «по определению педагогического совета и с разрешения попечителя округа <...> в случаях крайней надобности и не иначе как по желанию или с согласия родителей» (Ш м и д 1878, 338). Педагогический совет гимназии признал необходимым устроить карцер для ареста гимназистов – нарушителей дисциплины, а «неисправимых лентяев и шалунов» было постановлено или увольнять из гимназии, или переводить из высшего класса в низший (К н я з е в 1904, 15).

В 1837 году в гимназии состоялся первый выпуск. Заканчивали ее, как правило, 18–20-летние юноши. Так называемый похвальный аттестат по окончании гимназии давал его обладателю право получения «первого классного чина в гражданской службе»¹⁰. Часто даже ученики 7-ого класса уходили до окончания полного курса. Так, в 1844 и 1845 годах учебу не завершил ни один человек. Это обычно объяснялось дороговизной жизни в Динабурге, неурожаем в Витебской и соседних губерниях, а также пограничным положением города, из-за которого дворяне соседних губерний своих детей в основном отправляли в учебные заведения губернских городов, где у них были родственники и куда они сами часто приезжали по делам (Ibid., 8–90). Очевидно, к сказанному следует добавить относительно слабое в тот период развитие Динабурга, отсутствие более–менее широких зажиточных слоев, способных направить детей на учебу в гимназию и вузы. Дети офицеров, служивших в местной крепости, не всегда стремились в университет и устраивали свою судьбу без аттестата о завершении учебы в гимназии.

Всего за время 35-летнего существования Динабургской гимназии (с 1831 по 1866 год, год последнего выпуска по программе гимназии) в ней

⁹ *Историческая записка и отчет Динабургского Реального Училища за 1884–5 учебный год*, Динабург, 1886, с. 8.

¹⁰ ЛГИА, ф. 230, оп. 1, д. 27, л. 148.

обучалось 4 818 учеников, из них полный курс закончили 118, или 2,5%¹¹. По тем временам подобный результат особых нареканий не вызывал, и, вероятно, считалось, что гимназия оправдывает правомерность своего существования.

Особого внимания заслуживают отголоски в Динабургской гимназии польского восстания в 1863–64 гг. Писавшие об этом краеведы склонны усматривать серьезное влияние данных событий на гимназистов.

До Польского восстания 1863 года дисциплина в Динабургской гимназии отличалась в лучшую сторону от немалого числа других подобных учебных заведений¹², однако в 1862 году «среди учеников заметно отразилась смута в умах, предшествовавшая польскому восстанию, а 16 и 17 ноября не явилось на уроки большинство учеников старших классов, так что Педагогический совет был вынужден одних учеников лишить стипендий, другим сделать выговор, а третьих арестовать в карцер на продолжительное время. Но меры эти оказали слабое влияние в виду неблагоприятных семейных и общественных влияний на учащихся» (Ibid., 17). Тем не менее, в подготовленной в 1886 году «Исторической записке» указывалось, что «смутный и мятежный период 1863-64 годов не имел особенно прискорбного характера» в жизни гимназии, и «благодаря присутствию в Динабургской крепости значительных военных сил и благодаря быстрому подавлению первой вспышки мятежа в Динабургском уезде около местечка Креславки период этот прошел в г. Динабурге без явных и опасных волнений, а потому и в жизни учебного заведения отразился не особенно вредно», а «все волнения ограничилось среди учеников временным охлаждением их к учебным занятиям, усилением дурных школьнических шалостей, вроде битья начальству и учителям стекол, рассылки анонимных писем с угрозами, наконец, тайным бегством из города 3-ех учеников 6-ого класса». Когда Педагогический совет исключил этих троих учеников, а с ними еще нескольких «за дурное поведение», из учебного заведения, «волнение понемногу успокоилось»¹³. Правда, в другой «Исторической записке», подготовленной еще через два десятилетия, говорится, что были исключены из гимназии и «14 других учеников разных классов за непредставление их родителями, проживающими вне города Динабурга, поручительств в благонадежном на будущее время поведении своих детей в политическом отношении». Это расходится с бытующей в краеведческой литературе причиной исключения учеников: якобы дети не могли доказать благонадежность родителей¹⁴. «Гимназическое начальство усилило надзор за проживающими на частных квартирах учениками, <...> тем не менее, смутное время отразилось на уменьшении общего числа учеников...», особенно

¹¹ *Историческая записка и отчет Динабургского Реального Училища за 1884–5 учебный год*, Динабург, 1886, с. 9.

¹² ЛГИА, ф. 230, оп. 1, д. 1, л. 18–21.

¹³ *Историческая записка и отчет Динабургского реального училища за 1884–5 учебный год*, Динабург, 1886, с. 7–8.

¹⁴ *Vakardiēna uzrunā šodienai. Rakstu un atmiņu krājums par 1. Daugavpils Valsts ģimnāziju*, (Sakārtoja A. Petaško), Daugavpils, 1996, 6 lpp.

старших классов (Ibid., 18, 20). К сожалению, проанализированные материалы не дают возможности установить, почему часть родителей не представила своим детям поручительства. Приходится гадать, насколько этот отказ можно рассматривать как сопротивление польского населения российским порядкам. Автор предполагает, что краевед З. Якуб на основании известных фактов сделал неправомерный вывод о том, что «многие учащиеся гимназии бежали к повстанцам, вследствие чего некоторые из них были исключены из школы» (Я к у б 1998, 66). Он не приводит данных о нахождении учеников среди повстанцев. Кроме того, представляется странной в случае участия в повстанческом движении «многих» вероятность исключения из гимназии только «некоторых из них».

Возросшее количество исключенных из гимназии, снижение числа учащихся дает повод говорить о значительных косвенных откликах на польское восстание. Брожение среди учеников вряд ли можно квалифицировать как «школьные шалости». Думается, следует согласиться с авторами «Исторических записок», что брожение не вылилось в более серьезные действия благодаря «присутствию в Динабургской крепости значительных военных сил». Ведь 22 апреля 1863 года в Динабурге и уезде было объявлено военное положение, действовавшее и в 1864 году. Для безопасности в город были направлены новые войсковые подразделения, с 1862 по 1864 год существенно выросла численность гарнизона, куда срочно была переброшена артиллерия (Ibid., 66).

Восстание 1863 года положило конец попыткам проведения в Польше «реформ сверху». Методы подавления сопротивления при Александре II – царе-реформаторе оказались более жесткими, чем при его консервативном отце. Как отмечают исследователи, российская политика в польском вопросе на протяжении последующих десятилетий преследовала цель решить этот вопрос раз и навсегда посредством репрессий и насильственной интеграции (К а п е л е р 2000, 203).

Последовавшие в Северо–Западном крае перемены и в сфере образования затронули и Динабургскую гимназию. Учебные заведения Витебской и Могилевской губерний были переданы из Санкт–Петербургского в Виленский учебный округ¹⁵. Туда в конце 1864 года была переведена и Динабургская гимназия, после чего, согласно «Исторической записке», «снова наступил правильный ход учебного дела во всех отношениях»¹⁶. Произошли значительные изменения в личном составе педагогов гимназии. Два учителя католического исповедания были перемещены в другие гимназии Санкт–Петербургского учебного округа. Еще несколько учителей сами сменили место работы, так что к концу года в гимназии оказалось 4 учительских

¹⁵ ЛГИА, ф. 230, оп. 1., д. 6, л. 433.

¹⁶ *Историческая записка и отчет Динабургского реального училища за 1884-5 учебный год*, Динабург, 1886, с. 8.

вакансии, и потому «в учебных курсах произошли значительные пробелы» (Князев 1904, 19).

До Польского восстания 1863-64 гг. в гимназии на уроках закона божьего римско-католического исповедования использовался польский язык. После восстания по распоряжению попечителя Виленского учебного округа его применение запрещалось. С 1865 года закон божий для католиков преподавался «по литографированным запискам на русском языке»¹⁷. В отчете за 1864-1865 учебный год директор гимназии докладывал, что «ложное польское направление в воспитании юношества, за принятыми в 1864 году мерами, можно сказать, прервано. Преподаватели поляки выведены из гимназии <...> Все, что относилось к уничтожению полонизма, все это исполнено <...>»¹⁸.

В Динабургской гимназии, как и в других гимназиях Виленского учебного округа, с целью борьбы с полонизацией были введены внеклассные часы, на которых преподаватели читали учащимся произведения русских авторов. Содержание чтений находилось под бдительным надзором вышестоящего начальства. Так, в марте 1865 года директор гимназии получил указание попечителя учебного округа «показать молодым людям, незнакомым с русскими авторами или не расположенным к изучению их, светлую, привлекательную сторону русской литературы». Далее давались более точные инструкции: «Не следует много останавливаться на произведениях Некрасова и других писателей, которые изображают исключительно темную и отрицательную сторону жизни и искусственно располагают юношество к преждевременному безотчетному разочарованию и к мрачному взгляду на свет, убивают в детях в самую нежную пору их жизни веру в добро и людей». Кроме того, как писал попечитель, «чтение произведений обличительной литературы может иметь вредное влияние на детей польского происхождения и в другом отношении: при незнакомстве их с русской жизнью <...> обличительные писатели <...> внесут в среду детей неверные понятия о России и русских, представляя, таким образом, своими сочинениями как бы подтверждение той клеветы, какая распространена в польском обществе и литературе». Попечительский совет учебного округа признал необходимым, чтобы программы внеклассных чтений предварительно утверждались Педагогическими советами учебных заведений, а затем каждые три года представлялись в Управление учебного округа¹⁹. В тот период гимназия находилась под особо пристальным оком «начальства». Значительно выросло количество официальных посещений. Всем инспектировавшим гимназию понравилась её деятельность²⁰.

Тем не менее педагоги были недовольны. Директор гимназии в отчете за 1864-1865 учебный год указывал, что «крайне необходимо улучшить содержание учителей Динабургской гимназии». Всем служащим других

¹⁷ ЛГИА, ф. 230, оп. 1., д. 6, л. 414.

¹⁸ ЛГИА, ф. 230, оп. 1., д. 6, л. 414-415.

¹⁹ ЛГИА, ф. 230, оп. 1., д. 1, л. 88.

²⁰ ЛГИА, ф. 230, оп. 1., д. 6, л. 410.

ведомств в Динабурге оклады к этому времени были повышены «по причине чрезвычайной дороговизны на все предметы содержания». Только об учителях «забыли», и они терпели «во всем крайнюю нужду». Директор просил ввести новый устав и новые штаты, считая, что только этим «можно привлечь и удержать на месте хороших учителей, в противном случае они всегда будут переходить или в другие гимназии, где выше оклады, или в другой род службы»²¹. Не исключено, что данные аргументы в определенной мере повлияли и на дальнейшую судьбу учебного заведения.

19 ноября 1864 года императором Александром II был утвержден «Устав гимназий и прогимназий», введший в России гимназии двух типов: классическую гимназию с изучением одного или двух древних языков и реальную гимназию без древних языков, но со значительным увеличением числа часов на иностранные языки, естествознание, чистописание, черчение и некоторым добавлением часов русского языка, математики, физики и космографии (К о н с т а н т и н о в 1956, 3). По указанию Министерства народного просвещения в 1865 году Динабургская гимназия была преобразована в реальную гимназию, по Уставу 19 ноября 1864 года. Официальное решение было принято с учетом торгового по преимуществу характера города Динабурга, а также того, что Витебску как губернскому городу «полагалась» классическая гимназия и в Витебской губернии не было реального училища, что ее жители получили возможность посылать своих детей как в классическое, так и реальное учебное заведение²². В распоряжении автора отсутствуют факты, свидетельствующие о том, что Динабургская классическая гуманитарная гимназия была преобразована в реальную с целью борьбы с «полонизмом», другими словами, с целью русификации края, однако в контексте общей ситуации в крае нельзя полностью исключить наличие подобных намерений у чиновников Министерства народного просвещения.

При попытке оценки места Динабургской гимназии в развитии образования в Латгалии, конечно, приходится согласиться с многократно высказанной исследователями мыслью о том, что мероприятия по русификации в области образования задерживали развитие национального языка и культуры Латгалии. Тем не менее, в данном тезисе, как правило, не учитывалось то обстоятельство, что одновременно осуществлялась, например, германизация польских школ в Германской империи, что во всем мире признание прав национальных меньшинств на образование на родном языке только зарождалось.

Создание Динабургской гимназии дало возможность жителям Латгалии получить сначала среднее, а впоследствии – и высшее образование на русском языке. На латышском языке гимназий в тот период не было ни в Лифляндской, ни в Курляндской губерниях. По указанным причинам, с точки зрения жителей Латгалии, создание и деятельность русской гимназии в Динабурге следует считать положительным явлением.

²¹ ЛГИА, ф. 230, оп. 1., д. 6, л. 411.

²² ЛГИА, ф. 230, оп. 1., д. 6, л. 508.

Библиография

- Латвийский Государственный исторический архив*, фонд 230 (Даугавпилсская дирекция народных училищ), опись 1.
- Латвийский Государственный исторический архив*, фонд 748 (Даугавпилское реальное училище), опись 1.
- В р е ж г о 1938 – Boļeslavs Brežgo, *Daugavpils škoļu direkcijas arhīvs*. Rēzekne: Latgales skolotāju centrālā biedrība, 31. lpp.
- Vakardiena 1996 – *Vakardiena uzrunā šodienai. Rakstu un atmiņu krājums par 1. Daugavpils Valsts ģimnāziju* (sakārtoja A. Petaško), Daugavpils, 108. lpp.
- Z e i l e 2006 – Pēteris Zeile, *Latgales kultūras vēsture*, Rēzekne: Latgales Kultūras centra izdevniecība.
- Историческая 1886 – Историческая записка и отчет Динабургского реального училища за 1884–5 учебный год*, Динабург.
- К а п е л л е р 2000 – Андреас Капеллер, *Россия – многонациональная империя. Возникновение – история – распад*, Москва: Прогресс-Традиция.
- К н я з е в 1904 – А.Ф. Князев, *Историческая записка Двинского Реального Училища 1833–1903*, Витебск: Губ. типо-лит.
- К о н с т а н т и н о в 1956 – Н. А. Константинов, *Очерки по истории средней школы*, Москва: Учпедгиз.
- Ш м и д 1878 – Е. К. Шмид, *История средних учебных заведений в России*, Спб: Приложение к журналу Министерства народного просвещения.
- Я к у б 1998 – Залман Якуб, *Даугавпилс в прошлом*, Даугавпилс: А.К.А.

Vitālijs Šalda

Daugpilio ģimnāzija. 1831–1865 m.

S a n t r a u k a

Pagrindiniai žodžiai: *švietimas, gimnazija, luomai, tikėjimas, lenkų sukilimas 1863–1864 m.*

Daugpilio gimnazijos įkūrimas gali būti siejamas su daugeliu veiksnių, įskaitant ir miesto raidą netoli Daugpilio forto; miesto, kaip geležinkelio centro, augimą bei Rusijos valdančiojo elito pastangas sustiprinti ir konsoliduoti Imperijos periferijas tam, kad panaikintų galimybes kilti sukilimams, tokiems kaip 1830–1831 m. (Latvijos istoriografijoje vadinamas Lenkijos sukilimu). Tuo tikslu 1931 m. rugsėjo 1 d. buvo atidaryta nauja apskrities mokykla. Mokykla turėjo vidurinės mokyklos statusą, o 1835 m. ji buvo pervadinta į Daugpilio (Dinaburgo) gimnaziją. Per savo gyvavimo metus gimnazija priklausė Baltarusijos (1831–1850), Sankt Peterburgo (1850–1864) ir Vilniaus (1864 ir vėliau) apygardoms. Nuolatos augo ir gimnazijos finansavimas.

Iš pradžių katalikų tikybos mokinių buvo keturis kartus daugiau, negu rusų stačiatikių. Tik XIX a. 7 dešimtmetyje šis santykis keitėsi rusų stačiatikių mokinių naudai: katalikų mokinių buvo du kartus daugiau, negu rusų stačiatikių. Dauguma mokinių buvo kilę iš kilmingųjų (bajorų) luomo, bet ir žemesnio luomo vaikai taip pat čia mokėsi. Tai daugiausia

kareivių, valstybinių valstiečių ir baudžiauninkų vaikai. Svarbu pažymėti, kad mokslas buvo nemokamas nuo pat mokyklos atidarymo iki 1839 m., tuomet tik įvestas mokestis už mokslą. Tiesa, dalis mokinių buvo atleisti nuo šio mokesčio, pavyzdžiui, rusų stačiatikių popų, karininkų, mokytojų ir kt. vaikai. Iš viso per 35 mokyklos gyvavimo metus čia mokėsi 4 818 mokinių, bet tik 118 (2,5%) iš jų tegavo atestatą.

Vitālijs Šalda

The Gymnasium of Dinaburg. 1831–1865

S u m m a r y

Keywords: *Education, Gymnasium, Social Classes, Religion, Polish Uprising of 1863–1864.*

The establishment of the Gymnasium of Dinaburg could be attributed to a number of factors, including the constructional development of the city nearby the Dinaburg fortress, growing importance of the city as a railway hub and an effort of the Russian ruling elite to strengthen and consolidate the peripheries of the Empire in order to eliminate similar and further developments of the Polish uprising of 1830–1831. Thus, the new district school for the noble was opened on September 1, 1831. The school had the status of a secondary school, and in 1835 it was renamed the Gymnasium of Dinaburg. During the years of its existence, the Gymnasium was under the jurisdiction of Byelorussian (1831–1850), Saint-Petersburg (1850–1864) and Vilnius (1864 onwards) okrugs. During the years of its existence financing of the school gradually increased.

In the beginning the number of Catholic students was four times the number of Russian Orthodox students. Only in the 1860s this ratio decreased in favour of Russian Orthodox students: the number of Catholic students was two times the number of Russian Orthodox students. Although the majority of students were children of hereditary and noblemen, representatives of less privileged social classes also attended the school. Those were descendants of soldiers, state peasants and serves. Importantly, when the school was just opened, education remained free of charge until 1839 when tuition fees were introduced. However, there were groups of students who were exempt from these fees, for example, children of Russian Orthodox priests, officers, teachers, etc. In total during 35 years of its existence 4 818 students were educated there but only 118 (2,5%) completed their studies.

Vitālijs ŠALDA
Кафедра истории
Гуманитарный факультет
Даугавпилсский университет
Vienības iela 13
Латвия
[tmb@inbox.lv]